

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Константин Симонов

История одной любви

Комедия в трех действиях,
четырех картинах

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
С37

***Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

Симонов, К. М.

С37 История одной любви : Пьеса / Константин Симонов. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 108 с.
(Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2318-8

«Очевидно, вслед за Чеховым и Бальзаком, Константин Симонов определил жанр своей первой пьесы как комедийный. Хотя в основе человеческой комедии «История одной любви» — классический любовный треугольник. Выдвигая ключевой проблемой взаимоотношений супругов ложную гордость одной из сторон, автор наглядно показывает, как глупо могут разрушиться крепкие, проверенные годами отношения двух любящих людей.

ISBN 978-5-4467-2318-8

© Симонов К. М.,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Алексей Степанович Марков, 35 лет.

Катя — его жена, 29 лет.

Андрей Сергеевич Ваганов, 35 лет.

Николай Семенович Голубь, 60 лет.

Мария Петровна — соседка Марковых, очень далеко за сорок.

Посыльный из магазина.

Капитан.

Корреспондент.

Врач.

Время действия — 1939 год.

Действие первое

Картина первая

*Комната в московской коммунальной квартире. Летний день. Две двери, через одну из них видна вторая комната. Несколько полок с книгами. Шкаф. Письменный стол. Накрытая ковром тахта. Перед тахтой медвежья шкура. Два потертых кожаных кресла. **Марков**, в старой шерстяной рубашке, без галстука и в домашних туфлях, читает, сидя в одном из кресел. **Катя** стоит перед ним с плетеной кошелкой в руках.*

Катя. Так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков молчит.

*Слышен звонок в передней. Катя выходит и возвращается вместе с **посыльным** из цветочного магазина.*

У посыльного в руках очень большая корзина цветов.

Посыльный. Куда поставить-то?

Катя (показывая на обеденный стол). Сюда, пожалуйста.

Посыльный ставит корзину на стол.

Спасибо. Сейчас я за вами закрою. (Выходит вместе с ним и через несколько секунд возвращается. Подойдя к столу, достает вложенный в цветы конверт и, открыв его, читает вынутую из него записку.)

Марков (глядя на Катю). Ты, кажется, меня о чем-то хотела спросить?

Катя (не спеша, складывая записку). Да. Я хотела тебя спросить — неужели ты так вот и просидишь до конца отпуска?

Марков. Не знаю, может быть...

Катя. Придет Андрей, я пойду купить что-нибудь к чаю.

Марков. Сходи.

Катя. Что ты на меня так посмотрел?

Марков. Ничего.

Катя. Да, придет Андрей. Что тут особенного?

Марков. Ничего особенного. Только бы он не присылал больше этих корзин. От них уже и так не продохнуть.

Катя. Я рада, когда мне приносят цветы, я давно от этого отвыкла.

Марков. Ну что ж, радуйся, но только нельзя ли ставить их там, у тебя?

Катя. Они тебе мешают?

Марков. Да.

Катя. Хорошо. (*Выходит с корзиной в другую комнату.*)

Звонит телефон.

Марков (*снимая трубку*). Я слушаю. Алло! (*Молчание. Вешает трубку.*)

Входит Катя.

Катя. Кто звонил?

Марков. Очевидно, Андрей. У него появилась дурная привычка вешать трубку, когда подхожу я.

Катя. Она появилась у него с тех пор, как у тебя появилась привычка грубо разговаривать с ним.

Марков. Говорю, как умею.

Катя. Ты плохо относишься к нему, гораздо хуже, чем он к тебе.

Марков. Ко мне?

Катя. Да, к тебе. (*После паузы.*) Почему ты молчишь?

Марков. Я думал, что хоть на это я имею право.

Катя. Нет! Теперь ты не имеешь права так молчать. Было время, когда тебе стоило сказать одно слово!..

Марков. Было? Значит, я его пропустил. Ведь теперь поздно сказать это слово?

Катя. Да, поздно.

Марков. Ну, вот я и молчу.

Катя. Ты раньше тоже часто молчал. Но я чувствовала, что ты обо мне думаешь, что ты меня любишь. А теперь... Мне все чаще кажется, что ты молчишь просто потому, что тебе нечего мне сказать.

Марков. Тебе видней.

Пауза.

Катя. С тех пор, как умер Сережа...

Марков (*резко перебивая ее*). А вот об этом мы с тобой, по-моему, условились не говорить.

Катя. Хорошо. Но скажи тогда сам, почему у нас с тобой все так плохо? Почему?

Молчание.

Да, последнее время я говорила, что мне плохо с тобой, я старалась меньше бывать дома, наконец, Андрей... Но почему ты ни разу не сказал, что я тебе нужна, что ты меня любишь, что тебе будет плохо без меня? Если бы ты сказал это...

Марков. Зачем ты оправдываешься?

Катя. Когда ты так говоришь, мне хочется только одного – уйти и хлопнуть дверью! Ты думаешь — твоё вечное спокойствие принесло мне много счастья? Когда я в первый раз сказала тебе, что нам стало плохо, а сама в глубине души ждала, что ты накричишь на меня, рассердишься, скажешь — все это глупости,— что ты ответил? Ничего. Пожал плечами и ушел на работу! Когда я стала говорить тебе, что любовь проходит, — ты ответил: «Тебе видней!» Когда я сгоряча крикнула, что нам надо разойтись, ты сказал: «Как хочешь!» Да, может быть, сейчас я так хочу, но тогда... Почему ты ни разу не остановил меня, если я что-то напутала в жизни? Почему ты ни разу не захотел помочь

мне разобраться, решить? Что вы, как можно, пусть решает сама, одна! А я не хочу решать сама!

Марков. Придется. Я за тебя решать не буду.

Катя. Ну конечно, так легче!

Марков. Там уж легче или не легче, — а не буду.

Катя. Эх ты! «Буду», «не буду» — словно палку о колено ломаешь. Встань, поцелуй мне руку. Я ухожу.

Марков не двигается.

Я тебя очень прошу, встань, поцелуй мне руку!

Марков по-прежнему не двигается. Катя, подождав еще секунду, поворачивается и выходит, хлопнув дверью. Марков встает и долго ходит по комнате. Звонок телефона.

Марков (снимает трубку). Да, Марков. В два тридцать? С вещами? Нет? Хорошо. Есть. (Положив трубку, продолжает ходить по комнате.)

В коридоре звонок. Слышно, как там кто-то отворяет наружную дверь. В комнату входит Голубь, еще крепкий, даже очень крепкий для своих лет человек, одетый в полувоенный костюм и высокие охотничьи сапоги с ремешками. В руке у него большой рюкзак, под мышкой потертое, выдавшее виды кожаное пальто.

Голубь. Обед есть?

Марков. Нет.

Целуются.